

В.Ш. 30.8.72г.

ПРЕДСТАВЬТЕ себе на миг такую невероятную картину: вы просыпаетесь, открываете окно, включаете радио, телевизор... а в мире — ни одной песни. Никто нигде не поет, даже под нос себе не мурлычет. Не знаю, как бы вы почувствовали себя в этом беспесенном мире, но я пришел бы к единственному выводу — жизнь померкла.

Но такое, к счастью, даже трудно себе представить. Песни звучат во всех уголках мира — по радио и телевидению, в концертных залах, в театрах, в кино, на фестивалях и спортивных соревнованиях, и каждый еще берет себя, если можно так сказать, на самообслуживание — напевает себе сам. Песни звучат повсюду, правда, порой слишком много и громко, а порой не совсем те, что должны были бы звучать. Но как бы то ни было, они звучат и, хотим мы того или нет, зовут, ведут, окрыляют, внушают, убеждают, помогают. Иногда и мешают — это тоже бывает, если песня плохая. Мешают не только на пляже или в поезде — мешают эстетически: примитивные мотивы бесцеремонно навязчивы, и ведь они тоже «воспитывают» — упрощают и обедняют наш духовный мир.

Непосредственно влиять на душу и сердце человека — таковое свойство любого искусства. Но от нас — композиторов, поэтов, певцов и слушателей — тоже зависит многое. О том, что зависит от нас, и хотелось бы поговорить с многочисленными любителями песни. А что они многочисленны, в этом я ни секунды не сомневаюсь.

Как моим собеседникам, вероятно, известно — я пел всю жизнь, а последнее время мне все чаще приходится и рассуждать о песне. И я хочу сделать одно маленькое уточнение: пою ли я, рассуждаю ли о песне, я отношусь к ней не только как певец-профессионал, для которого песня, как для рабочего станок или инструмент. Она для меня и, уверен, для многих исполнителей скорее неременная и неотъемлемая часть жизни. Я, может быть, потому и стал певцом, что песня всегда была для меня одной из сторон жизни, одной из особенностей ее проявления.

Вот почему я не удивлялся, когда песня становилась частицей моей биографии, когда она приводила ко мне людей и делала их моими друзьями. Я имею в виду не поэтов и композиторов — это само собой разумеется, а просто незнакомых мне людей разных профессий. Так «Мишко-одессит» привел ко мне одного из одесситов, тоже Михаила, солдата Великой Отечественной войны, и он стал человеком моей биографии, человеком, которого я никогда не забываю.

Думаю, что способность песни помогать человеку знакома многим моим сегодняшним собеседникам. Разве нет у каждого из вас какой-то песенки, которую вы, может быть, даже и не замечая, беззвучно напеваете для себя? Но и неосознанная, она удивительным образом помогает преодолеть тоску или аккомпанирует радости, или вызывает в вас какие-то приятные жизненные ощущения. Песенка эта может меняться со временем. Одна уходит, на смену приходит другая, внося обновление в ваше настроение и как-то по-новому окрашивая сам процесс жизни.

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

Сегодняшнюю вечернюю беседу ведет народный артист СССР Леонид Осипович УТЕСОВ

О качествах песни спорят. Вот и сейчас газеты нередко пишут о том, что в песне главное и какая вообще она должна быть.

Она, конечно, должна прежде всего быть хорошей. Но что это значит? Вопрос очень трудный, и на него не ответишь однозначно. И это не случайно.

Я думаю, что песен должно быть много и они должны отвечать самым различным настроениям человека. А так как настроения этих не перечислить, и даже не для каждого подберешь точное определение, таким оно может быть сложным, то и песни должны быть так же многообразны. Возьмем, например, массовую песню. Сейчас многие мои коллеги огорчены, что массовая песня не на подъеме и вроде бы, кажется, не нужна. Как это не нужна? — спрошу я вас. Вот вам простое и убедительное опровержение этого — недавняя Универсиада-73.

Правда, по возрасту я не мог быть участником студенческих игр, а был только зрителем, да и то смотрел по телевизору. Но когда я услышал и увидел, как огромный стадион запел на латинском языке старинный студенческий гимн «Так

будем веселиться» — «Гаудеамус игитур», сердце мое сжалось от волнения и слезы навернулись на глаза. И потом, когда этот же многонациональный стадион в едином порыве на разных языках запел «Гимн демократической молодежи», гимн человеческой солидарности, глубокое волнение снова охватило и тех, кто пел, и тех, кто слушал. А лица, какие были лица у исполнителей! Нет, такие лица можно увидеть не часто — гордость, сознание своей силы, вера в торжество мира и справедливости, в счастье сияли на них радостным светом. Это были озаренные ли-

ца. Вот ведь посчастливилось Анатолию Новикову написать такой гимн, который даже рядом с веками выверенным «Гаудеамус игитур» ничуть не теряется. Но в сравнении с ним удивительно ярко подчеркивает контраст времен, разницу в мироощущении человека различных эпох.

Бывает, что и такие торжественные мелодии люди напевают про себя, и я уверен, их патетика непременно оказывает влияние на настроение поющего.

Но, конечно, чаще всего мы напеваем для себя что-то более легкое, менее торжественное, чаще в нас звучит что-то шутовское или, напротив, печальное. Что ж, так и должно быть. И если какой-то молодой человек или девушка скажут мне, что они напевают и признают только такие танцевальные бездумные песни, потому, дескать, что надо же им отдохнуть и наладить настроение, я их в какой-то мере, пожалуй, пойму. Но при этом все-таки не удержусь и скажу: пусть они не упускают из виду, что любимая песня — это своеобразный признак глубины и тонкости духовного мира личности. И если «личности» нравятся только «танцульковые» мелодии, то

пусть она все-таки воспримет это как сигнал из своего духовного мира — сигнал тревоги и неблагоприятности.

Я не считаю, что с песней у нас сейчас дела обстоят неважно. Сегодня, как никогда, много самых разнообразных песен, и диапазон их неохватно велик — от легких танцевальных и шуточных до глубоких философских песен-размышлений. Усложнился и их музыкальный язык. Ну, а что касается плохих песен, то, я думаю, они появились не только потому, что так «захотели» композитор и поэт, но и потому, что слушателю понадобилась та или иная интонация, она где-то уже звучит в воздухе, в ритме самой жизни, но хорошая песня ее еще не нашла, не уловила. Но рано или поздно обязательно найдет, непременно уловит! И распространение плохой песни я часто воспринимаю как неосознанную тоску по хорошей и думаю, что композиторы должны чутко прислушиваться к популярным, нужным людям интонациям, чтобы облагороженными, окрыленными вернуть их слушателю.

Если бы речь шла только о людях, не обладающих достаточно тонким музыкальным вкусом, следовало бы от души посоветовать им этот вкус развить, чтобы они по своей вине не пропустили встречу с подлинно прекрасным. Ведь прекрасное при встрече можно и не узнать, привыкнув к суррогатам вроде «Ландышей» или «Мишки». Конечно, я имею в виду не «Мишко-одессита», а того, у которого «самая жестокая ошибка, то, что ты уходишь от меня». Кстати, самая смешная, нелепая ошибка заключалась в том, что слушатели, которым нравилась эта песня-пустышка, не замечали, что в записи на пластинку ее пел мужчина. Абсурд, конечно, свойственный бездумности. Представляете, если бы мужчина пел: «Свой уголок я убрала цветами»...

Речь идет о тех, кто выходит с песней на эстраду, перед микрофоном радио и телевидения, в студию грамзаписи. Вот к ним мы вправе предъявлять самый высокий счет и самые бескомпромиссные требования, ибо нести песню людям — это значит прежде всего воспитывать людей, быть трибуном, агитатором, пропагандистом подлинного искусства. А как можно пропагандировать плохое, дешевое, безвкусное?

Шагать с песней по жизни, утверждать песней радость и красоту нашего бытия — ответственнейшая миссия. И об этой ответственности ни профессиональные, ни самодельные певцы забывать не должны.